

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

А. И. УЛЬЯНСКИЙ

НЯНЯ ПУШКИНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1940 · ЛЕНИНГРАД**

В МИХАЙЛОВСКОМ

Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.

(«Разговор книгопродавца с поэтом»
1824 г.)

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

(«Евгений Онегин», гл. IV, стр. XXXV,
1825 г.)

Сергей Львович Пушкин со всей своей семьей, за исключением Александра Сергеевича, обучавшегося тогда в Царскосельском лицее, как предполагается ожидал в Нижегородской губернии окончания Отечественной войны.

По окончании войны Пушкины вскоре уехали в Варшаву, к месту новой службы Сергея Львовича. Была ли с ними Арина Родионовна, трудно сказать.

По ревизским сказкам 1816 г. Арина Родионовна значится уже в Михайловском в числе дворовых Пушкина.

Вместе с нею ее сыновья Егор и Стефан Федоровы, жена Егора Аграфена и дочь их Катерина.⁴⁷

В 1817 г. в июле поэт, окончив лицей, приезжает в Михайловское.

После почти шестилетней разлуки няня встречает своего любимого питомца. Среди чарующей природы Михайловского, впервые им посещенного, окруженный заботливостью няни, своей сестры Ольги и бабушки, он знакомится с «владениями дедушкиными», их окрестностями, заводит дружбу с соседями Осиповыми, изучает быт окружающих его крестьян и помещичьих усадеб. В конце лета Арина Родионовна провожает своего питомца обратно в Петербург, где он живет вместе с родителями на Фонтанке, в доме Клокачева, у Покрова.

Приезжала ли Арина Родионовна в Петербург в 1817—1820 гг. и жила ли в это время у Пушкиных, нам точно не известно. В исповедных ведомостях этих лет мы ее там не находим.⁴⁸

В 1818 г. в Михайловском умерла Марья Алексеевна Ганнибал, бабушка поэта, любившая и уважавшая Арину Родионовну. Надо полагать, что Марья Алексеевна до конца своей жизни не отпускала от себя

Арину Родионовну. В следующем году в середине лета няне опять пришлось встречать в Михайловском своего питомца. В этот свой приезд поэт написал свое известное стихотворение «Деревня» (1819 г.).

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимых поток
На лоне счастья и забвенья!

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На гагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Осенью поэт возвратился в Петербург и оттуда 6 мая 1820 г. был отправлен в ссылку на юг.

В 1821—1822 гг. Арина Родионовна проживает в Петербурге у Пушкиных.

И. П. Липранди,⁴⁹ приезжавший в феврале 1822 г. в Петербург из Кишинева, места ссылки Пушкина, писал в своих воспоминаниях:

«При выезде моем из Кишинева 4 февраля 1822 года в Петербург, Александр Сергеевич дал мне довольно большой пакет, включавший в себе несколько писем, чтобы передать оный не иначе, как лично брату его Льву Сергеевичу, а если, по какому либо случаю его на это время не будет в Петербурге, то его сестре (так пакет и был написан)... На другой день приезда в Петербург, исполнив обязанности службы, я прямо отправился к Сергею Львовичу, жившему по правой стороне Фонтанки, между Измайловским и Калинкиным мостами, в одноэтажном каменном с балконом доме, кажется, одним семейством Пушкина занимавшемся. Я никого не застал дома. Встретивший меня лакей, узнав, что я имею письмо от Александра Сергеевича, позвал какую то старушку; от нее я узнал, что Александр Сергеевич предупредил уже обо мне. Само собой разумеется, что на все просьбы старушки оставить пакет я не согласился, обещая приехать вечером или на другой день. Расспросы об Александре Сергеевиче сопровождались слезами».

В настоящее время мы имеем возможность установить, что эта старушка была Арина Родионовна. По исповедным книгам церкви у Покрова за 1822 г. значится под № 1479 в числе бывших на исповеди дворовых «бригадира» и «статского советника» Пушкина Арина Родионовна 70 лет.⁵⁰

Арина Родионовна, как всегда, проявляет свое беспокойство и волнение за участь своего питомца, находившегося тогда в далеком изгнании.

В чьем доме жили тогда родители Пушкина в этой части города? Известно, что Пушкины жили в приходе Покровской церкви в доме Клокачева, на правом берегу Фонтанки, в конце ее у Калинкина моста (теперь дом № 185 по Фонтанке). В это время, по данным А. Яцевича, у них проживала Арина Родионовна. Однако, как уже указывалось, в 1817—1820 гг. Арины Родионовны в числе слуг Пушкиных в Петербурге не было.

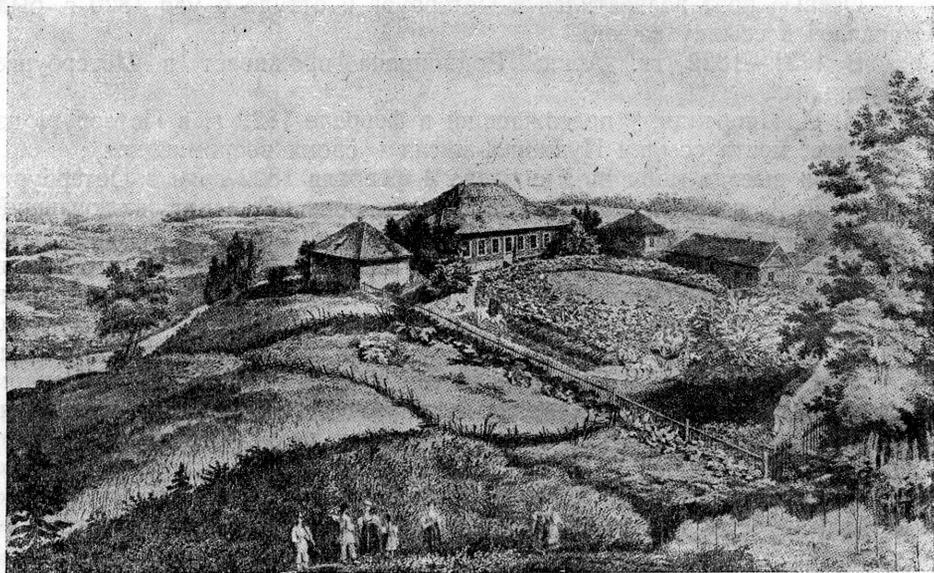
Возможно, что осенью 1817 г. Арина Родионовна вместе с Марьей Алексеевной, в виду предстоящего в доме Пушкиных события, приезжала из Михайловского в Петербург. 14 ноября 1817 г. здесь у Сергея

Львовича и Надежды Осиповны родился сын Платон (умерший в малолетстве). Восприемниками при его крещении были Лев Сергеевич и «вдова капитанша Марья Алексеева Гонимбал». ⁵¹

Лишь с 1821 г. Арина Родионовна значится в числе дворовых Пушкиных в приходе Покровской церкви. Дом Клокачева, как указывает А. Яцевич, был трехэтажный, и Пушкины жили будто во втором этаже, над квартирой товарища поэта, М. А. Корфа.

Корф писал, что он прожил пять лет под одной кровлей с Пушкиным. Из слов И. П. Липранди видно, что зимой 1822 г. родители Пушкина жили в другом доме, но того же прихода.

Проживание Корфа и Пушкиных в одном доме (на Фонтанке) должно быть отнесено к 1817—1821 гг. Зимой 1821/22 г. Сергей Львович проживал уже в Климовом переулке, в том же приходе, в доме иностранца Гронмана, * ныне под № 8, второй дом от Фонтанки, с цокольным этажом; два этажа надстроены впоследствии.

Село Михайловское.

Литография Александрова с рисунка с натуры землемера Иванова в 1837 г.
Из альбома, изданного в Пскове в 1839 г.

Этот район Петербурга назывался тогда «Коломной». Пушкин в своей поэме «Домик в Коломне» (1830 г.) вспоминает свою жизнь в этом районе:

... Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

Приманкой для Пушкина была, как известно, молодая, гордая графиня Стройновская, проживавшая в том же приходе и посещавшая часто Покровскую церковь:

Туда, я помню ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)

* Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге. СПб., 1822 г., стр. 424; дозволено цензурою 27 апреля 1822 г.

Пять лет Арина Родионовна не виделась с поэтом, пока 9 августа 1824 г. он снова не приехал в Михайловское — место своей второй ссылки. «Приехав сюда, — писал поэт, — был я всеми встречен, как нельзя лучше, но скоро все переменялось». Отец поэта, напуганный постигшей сына опалой, после ряда бурных сцен с сыном, покинул вместе с женой Надеждой Осиповной и дочерью Ольгой Михайловское. Поэт остался один со своей няней. Арина Родионовна окружила поэта всей теплотой своего простого и любящего сердца, и легче потекли долгие дни изгнания поэта под одной кровлей со своей няней.

Дом Пушкиных в Михайловском стоял в живописной местности, над рекой Соротью:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою; вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

Особенно хороши были окрестности Михайловского — Тригорское, о котором поэт много раз писал:

Приду под липовые своды
На скат Тригорского холма.

И в другой раз:

Но и в дали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду, под сенью лип домашней.

Красоты Тригорского и Сороти, овеянные памятью встречи с Пушкиным, воспеты и Н. М. Языковым:

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора треххолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные куртины,
Село и пажити кругом.
Приют свободного поэта,
Непобежденного судьбой,
Благоговею пред тобой!..

(«Тригорское», 1826 г.)

Через год (1827), в послании к П. А. Осиповой, Языков снова с восхищением говорит о красоте тех мест и памятных днях встречи с Пушкиным.

И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый;
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,

И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гете и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый.

Дом, в котором жил поэт с Ариной Родионовной, был деревянный на каменном фундаменте, крытый тесом, длиной всего 8 сажений, шириною 6 сажений, с двумя крыльцами и одним балконом. «К нему же флигелей: один деревянного строения, крыт и обшит тесом, комнат одна, под одной связью баня. Второй — с двумя избами и в каждой по русской печи, крыт соломою». Это, видимо, для дворовых людей. «Третий — с тремя комнатами, четвертый — две комнаты». Дом был старый уже в 1824—1825 гг. Недаром писал поэт про дом в Михайловском:

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.

Приятель Пушкина А. Н. Вульф в своем дневнике записал 16 сентября 1827 г.: «Вчера обедал я у Пушкина, в селе его матери, недавно бывшем еще месте его ссылки... По шаткому крыльцу взошел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского».

Внутреннее убранство дома было также незавидное:

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол починенный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,
Да пара стульев, стол украшен
Богатством вин и сельских брашен.

(Н. М. Языков, 1830 г)

В нем умер Осип Абрамович Ганнибал, дед поэта. При доме был «аглицкий» сад, который «по малому количеству дерев доходу не приносит». Тут же был пруд.

В поместье Пушкиных входили, кроме села Михайловского, деревни: Вороново, Мохнино, Брюхово, Циблово, Лернево, Касохино и Першугово — всего 18 дворов и крестьян: 165 душ мужского пола и 100 женского пола. Дворовых было 13 человек мужского и 16 человек женского пола. Помещичье хозяйство Пушкиных было средней руки и в плохом состоянии. Здесь тогда была барщина. Сеяли рожь, овес, горох, гречиху, лен. Хороши были покосы по берегам реки Сороти и озер.

Поэт жил зимой со своей няней в большом доме, а на лето они перебирались в маленький флигель, называемый ныне «Домик няни».

Друг поэта И. И. Пущин, посетивший Пушкина в изгнании 11 января 1825 г., так описывает жилье поэта и Арины Родионовны: «комната Александра была возле крыльца, с окном во двор, через которое он увидел меня, слышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого лица, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев».

В этой обстановке и текли дни изгнания поэта. Арина Родионовна сразу стала его единственным собеседником, занимавшим его слух и воображение и в темные, слякотные, осенние и в длинные, зимние, морозные вечера своими прекрасными рассказами и сказками. Уже в ноябре 1824 г. в письме к брату Льву Сергеевичу Пушкин описывает свои занятия в Михайловском:

«До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езджу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

Вскоре после этого (около 9 декабря) поэт пишет Д. М. Шварцу: ⁵² «уединение мое совершенно. . . Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, да и то вижу довольно редко. . . Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели; она — единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно».

Какое глубокое уважение к няне, простой деревенской женщине, необычное для того времени, сквозит в словах: «вы, кажется, раз ее видели; она — единственная моя подруга. . .»

Все товарищи, друзья и добрые знакомые поэта знали ее или слышали о ней и любили ее. Она волновала своей душевной привязанностью к поэту и своей замечательной речью и рассказами не только Пушкина, но и его друзей. И обратно, товарищи и друзья поэта были дороги ей, и она всегда сердечно к ним относилась. Тот же Пущин, посетивший А. С. Пушкина в Михайловском (11 января 1825 г.), через 33 года писал о своем приезде туда: «прибывшая старушка, застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом — один почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец, пробились слеза (она и теперь через 33 года мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня столько раз им воспетая, и чуть не задушил ее в объятиях. . .» и далее: «вошли в нянькину комнату, где собрались уже швеи. . . Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. . . Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во свояси. . . За обедом поподчивали искрометным няню»

В письме к Н. Н. Раевскому (июль 1825 г.) поэт снова говорит о своей няне как о единственной его «подруге» в Михайловском: «Покамест же я в совершенном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал <П. А. Осипова>, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии <„Борис Годунов“>». *

Исключительное и неизгладимое впечатление произвела Арина Родионовна своей сердечной добротой, гостеприимством, общительностью, веселостью и пленительными рассказами о предках поэта на посещавшего Пушкина в Михайловском Н. М. Языкова.

Свет Родионовна, забуду ли тебя?

Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —
Всегда, приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта. . .

* Перевод с французского.

Как сладостно твое святое хлебосольство
 Нам баловало вкус и жажды своевольство!
 С каким радушием — красую древних лет —
 Ты набирала нам затейливый обед!
 Сама и водку нам, и брашна подавала,
 И соты, и плоды, и вина уставляла
 На малой тесноте старинного стола!
 Ты занимала нас — добра и весела —
 Про стародавних бар пленительным рассказом;
 Мы удивлялися почтенным их проказам,
 Мы верили тебе — и смех не прерывал
 Твоих бесхитростных суждений и похвал;
 Свободно говорил язык словоохотный,
 И легкие часы летели беззаботно!

(«К няне А. С. Пушкина», 1827 г.)

В другом своем стихотворении тот же Языков вспоминает:

Мы пиروвали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 К своей весне переносилась
 Разгоряченную мечтой;
 Любила слушать наши хоры,
 Живые звуки чуждых стран,
 Речей напоры и отпоры,
 И звон стакана об стакан!

Шумней удалая пирушка.
 Садись-ка, добрая старушка,
 И с нами бражничать давай!

(«На смерть няни А. С. Пушкина», 1830 г.)

Поэт отвечал своей няне на ее любовь к нему и заботливость своею заботой и любовью. И подобно тому, как в детские годы она не раз выручала маленького Александра, провинившегося или просто преследуемого не любившей его матерью, так в эти зрелые годы поэт защищает свою няню и бережно охраняет ее жизнь и покой.

В феврале 1825 г. поэт писал своему брату Льву Сергеевичу: «... меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну <экономку> я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен был я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе отдать мне счеты... я нарядил комитет, составленный из Василия, Архипа и старосты — велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления».

По поводу этого случая с Розой Григорьевной П. Е. Щеголев высказал предположение, что причиной столкновений Розы Григорьевны с Ариной Родионовной послужил роман поэта со своей крепостной девушкой Ольгой — дочерью управляющего Пушкиных, Михайлы Ивановича Калашникова.

Прогулки, чтение, сон глубокий,
 Лесная тень, журчанье струй,
 Порой белянки черноокой
 Младой и свежий поцелуй.

Поэт вступил в связь с Ольгой Калашниковой.

Упрекая Арину Родионовну в ее покровительственном отношении к такому факту, П. Е. Щеголев восклицает: «Ох эта Арина Родионовна! Сквозь обволакивающий ее образ идеалистический туман видятся иные черты. Верноподданная не за страх, а за совесть своим господам, крепостная раба, мирволяющая, потакающая барским прихотям, в закон себе поставившая их удовлетворение! Ни в чем не могла она отказать своему неуимчивому питомцу».

П. Е. Щеголев удачно подмечает свойственные многим дворовым, питавшимся от барского стола, черты рабской покорности и угодничества. Но история знает также и бесчисленное бегство дворовых от своих помещиков и то, что использование последними своей крепостной власти для удовлетворения своего сластолюбия вызывало у крепостных отвращение и возмущение, нередко приводившее даже к убийству помещиков дворовыми

В письме поэта нет никаких намеков, допускающих подобное истолкование П. Е. Щеголевым этого случая.

Такое обвинение, брошенное Арине Родионовне, не имеющее под собою никакой почвы, на основании одной лишь догадки, является по меньшей мере странным. Разумеется, Арина Родионовна не могла не знать об этой связи, но что могла она сделать, если и была против нее? Известно, что она часто журила поэта и даже в зрелые его годы говорила ему: «хорош никогда не был, а молод был». Поэт вспоминал эти «укоризны, полные любви».

О взаимоотношениях поэта с няней и ее значении в жизни поэта еще много лет после смерти Арины Родионовны сохранились в Михайловском живые и яркие воспоминания. Приведем рассказ Петра — кучера Пушкиных в Михайловском, — записанный в 1859 г. К. Тимофеевым. На вопрос Тимофеева, помнит ли он няню и правда ли, что поэт ее очень любил, Петр сказал: «Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то, она у него тут вот и жила. И он все с ней коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: „здорова ли, мамá“, — он ее все мамá называл. А она ему бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, из Суйды, там эдак все певком говорят): „Батюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?“ „Разумеется, ты мне мать не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила“. И уж чуть старуха занеможет, так что ли, он уж все за ней».

Трогательные черты сердечной, душевной красоты и простоты своей няни, ее замечательное умение рассказывать сказки, разные были и небылицы, ее отменное знание старины поэт воспел и пронес через множество своих произведений, особенно написанных в михайловский период его жизни.

В стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824 г.) поэт отмечает влияние няни на его творческое начало.

Избрав Арину Родионовну прототипом няни Татьяны, поэт надеется последнюю чертами своей няни.

. . . Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц.

(«Евгений Онегин», гл. III, стр. XVII, 1824 г.)

Поэт влагает в уста няни Татьяны мудрость и знание старины Арины Родионовны.

И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слышали про любовь;
А то бы согнала со света
Моя покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
«Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

(«Евгений Онегин», гл. III, стр. XVIII)

Арина Родионовна вышла замуж 23 лет, но поэт мог слышать от нее в рассказах о старине, что неродная бабушка ее со стороны отца, Настасья Филипповна, жена Петра Полуектова, благодетеля отца Арины Родионовны, вышла замуж 13 лет (см. Приложения документ № 3).

Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...

Воображению читателя может представиться картина, что и к Арине Родионовне из Кобрина, откуда был ее муж, в дом ее родителей в Суйде ходила сваха и как ее вели в ту самую Суйдовскую церковь, в которой, на глазах Арины Родионовны, венчались и родители поэта и где, возможно, похоронен Абрам Петрович Ганнибал.

И Арина Родионовна жила после венчания со своим мужем не отдельной семьей, а в семье Онисья Галактионова.

Любящей, преданной и нежно заботящейся о своей питомице рисует поэт седую «Филипьевну» — няню Татьяны:

Но дверь тихонько отпирая,
Уж ей Филипьевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О птишка ранняя моя!
Вечер уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое как мажов цвет».

(«Евгений Онегин», гл. III, стр. XXXIII.)

Народная мудрость, меткие выражения, острые словечки няни чувствуются и в «Русалке» (1826—1832 гг.), в разговоре мамки:

Княгинюшка, мужчина что петух:
Кири куку! мах мах крылом и прочь.
А женщина, что бедная наседка:
Сиди себе, да выводил цыплят.
Пока жених — уж он не насидится;
Ни пьет, ни ест, глядит не наглядится.
Женился — и заботы настают...

и в разговоре мамки царевны Ксении («Борис Годунов», 1824—1825 гг., сцена в царских палатах):

«—И, царевна! девица плачет, что роса падет: взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

— Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна».

Н. О. Лернер усматривает отражения образа няни поэта частично и в карлице Ласточке («Арап Петра Великого», начато в 1827 г.).⁵³

Няня, много видевшая и знавшая на своем веку, хорошо помнившая прадеда и дедов поэта, могла о многом рассказать из старого помещичьего быта крепостной России. Своими рассказами о старине, своей яркой народной речью она возбуждает в поэте еще больший интерес

к народным преданиям, рассказам, сказкам и русскому народному языку. Поэт пишет П. А. Осиповой:

Быть может уж недолго мне
В изгнании мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

(1825 г.)

Живая потребность поэта в собеседнике, неистощимый запас сказок и преданий, которые знала Арина Родионовна, делали ее источником успокоения и ободрения поэта.

В глухой зимний вечер, в царстве деревенской пороши, при скудном свете в комнате своего захудалого дома, поэт в рассказанной ею сказке за кружкой вина находит облегчение своему сердцу.

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой по утру шла.

Арина Родионовна была для поэта не только замечательным источником рассказов о старине, народных преданий, сказок и песен, будивших в поэте все больший и больший интерес и любовь к ним. Она бывала и ценителем его произведений, когда вопрос шел о строгом соблюдении народных черт, обычаев, выражений. Поэт сам признает это.

Пушкин часто читал ей свои произведения и интересовался ее суждением.

К сожалению, до нас не дошли ее отзывы о произведениях поэта.

Поэт давно занимался русской народной поэзией, собирал народные песни. Уже в первой половине ноября 1824 г. в Михайловском поэт записал в свою черновую тетрадь⁵⁴ со слов няни семь сказок, в том числе: «О царе Салтане», «О царе Берендее», которую впоследствии уступил Жуковскому, положившему ее в основу своей сказки «О царе Берендее», «Сказку о попе и о работнике его Балде», материал, использованный для пролога к «Руслану и Людмиле», — «У лукоморья дуб зеленый», «Сказку о мертвой царевне» и др.

Этими сказками, разумеется, не ограничивались все сказочные сюжеты, которые он мог слышать от Арины Родионовны. Поэт записывал, вероятно, лишь то, что его больше всего интересовало.

Повидимому, поэт записал и некоторые песни со слов Арины Родионовны.

В 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: «покамест я один-одиошенок; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни».

Некоторые следы использования Пушкиным рассказов Арины Родионовны можно предположить и в «Руслане и Людмиле» (1817—1820 гг.).

Б. В. Томашевский говорит, что в песне I выбор финна в качестве волшебника объясняется тем, что, по свидетельству Карамзина, «не только в Скандинавии, но и в России финны и чудь славились волшебством».⁵⁵

Об этом поэт мог слышать и от Арины Родионовны, жившей от рождения в Суйде, а затем в Кобрине, среди финнов. Арина Родионовна могла знать это и от своей матери — «старинной того села».

Весьма вероятно, что и другие сказочные мотивы «Руслана и Людмилы» навеяны преданиями, слышанными поэтом из уст Арины Родионовны и бабушки Марьи Алексеевны.

Чем объяснить такое богатство знания Ариной Родионовной сказок, песен, поговорок, пословиц, приговоров, прибауток и мастерство в их передаче? Прежде всего ее неразрывной связью с народом, личными способностями, ее большой любовью и интересом к народному творчеству и ее сохранившей свежесть памятью. Обилие и разнообразие известного ей сказочного и песенного материала можно объяснить этнографическими чертами ее родины, где на протяжении нескольких веков сталкивались культуры разных народов, где первоначальное влияние старой новгородской и финской, а затем временное влияние шведской культуры сменяется влиянием великорусской культуры.

Хорошо известны «бродячие» сюжеты и литературное заимствование их разными народами, еще более возможные в условиях, подобных тем, которые сложились на родине Арины Родионовны.

Мы уже указывали на быстрое заселение Петром I этих мест Петербургской губернии вскоре после отвоевания их у шведов путем переселения туда крестьян центральных губерний.

И если мать Арины Родионовны была «старинной села Суйды», то отец возможно, а дед уж наверно был в числе завезенных сюда из центральной России людей.

Эти биографические черты няни имели несомненное значение и влияли на характер и объем всего известного ей фольклора.

Так тянулись долгие дни жизни поэта «в глуши, во мраке заточенья».

Когда в Михайловское пришли первые сведения о восстании, происшедшем в декабре 1825 г. в Петербурге, поэт, опасаясь, что он будет замешан в следственное дело как друг большинства декабристов, на глазах у Арины Родионовны сжег много своих записок. Он писал Вяземскому: «Из моих записок сохранил я только несколько листов». Няня очень волновалась в эти дни за судьбу поэта.

Когда 27 августа 1826 г. в Михайловское прибыл фельдъегерь, чтобы доставить поэта в Москву к новому императору Николаю I, Арина Родионовна, как рассказывали впоследствии Осиповы, «прибежала вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд». «Из расспросов ее оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода Александра Сергеевича, в Михайловское «из Тригорского, от Осиповых» прискакал какой-то не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось — фельдъегерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать в Москву».

Другой свидетель этого происшествия, дворовый Пушкиных Петр, передавал, что «приехал вдруг ночью жандармский офицер из города, велел сейчас же в дорогу собраться, а зачем неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет».

Вернувшись из Москвы в Михайловское, поэт пишет Вяземскому (9 ноября 1826 г.): «Дережня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей няни — ей богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр.». И далее: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

круговой порукой не трогать домика няни. С того момента судьба Михайловского не выходила у меня из головы».

При содействии пушкиниста П. М. Устимовича, явившегося в штаб бригады с просьбой принять меры против дальнейшего разрушения домика и представившего при этом фотографии, описание и зарисовки домика, саперная рота бригады, по приказу З. Х. Гареева, восстановила его.
